рода, как воплощение божественной гармонии, корректирует заблуждения ограниченного человеческого разума.

В «Острове Борнгольме» складывался романтический метод. В психологическом аспекте Карамзин поднялся в ней до изображения разорванного человеческого сознания; в историческом — до понимания его временнóй определенности и конкретности; в литературно-философском — до постановки в художественном произведении проблемы антиномического противоречия.

Повесть была забыта несмотря на это, а отчасти и поэтому. С проникновением в Россию потока переводных «готических» романов сюжет ее утерял прелесть новизны, а острота ее проблематики переставала быть понятной, потому что последующие эпохи уже не были периодом столь напряженных философских исканий, как девяностые годы XVIII в. Когда же в 1820—1830-е годы русскую литературу вновь начали занимать вопросы исторической детерминированности человеческого мышления и поведения, тогда уже вряд ли кто-нибудь помнил, что первой ласточкой формирующегося историзма была маленькая повесть Карамзина.
